

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА: XVIII – НАЧАЛО XX В.

Введение

Настоящее исследование не относится ни к одной из отраслей традиционной социально-гуманитарной науки, оно, скорее всего, является синтетическим, повествующем о смысле, истории и возможных перспективах развития чувашской культуры в целом¹. Его методологической базой служит культурософия известного теоретика-евразийца Н.С. Трубецкого, которая нацелена, как известно, на выявление основных факторов самоопределения российских народов². В данном случае цель автора работы ограничивается лишь постановкой тех вопросов, которые вытекают из названия статьи.

В условиях отсутствия в отечественных науках об этносах общепризнанной методологии и парадигмы за последние десятилетия выделились два подхода к многонациональным проблемам: примордианизм и конструктивизм. Умышленно отказываясь от критического разбора позиций обоих подходов, следует отсылать читателей к весьма интересной работе, представляющей из себя третий подход, названный самим автором как исторический реализм³. Сторонники этого подхода избегают противоположных крайностей первых двух подходов. Согласно парадигме третьего подхода, этнонацию следует рассматривать как продукт исторической и социально-культурной эволюции, как социальный организм, на развитие которого может повлиять конструктивная деятельность национальной (в условиях развития этноса с неполной социальной структурой – и инонациональной) элиты. Автором данной работы использованы термины в понимании и определении сторонников школы исторического реализма, а также теоретические послы современного авторитетного этнолога С.В. Лурье⁴.

В этнологическом значении культура – это функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие как

адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению, так и приспособливанию внешней реальности к своим нуждам и потребностям⁵. В таком случае этнос понимается как носитель совокупности адаптивных моделей, то есть культуры в изложенном выше определении. Этнос определяется и общностью языка, нравов и обычаев, этноидентификацией. Из приведенных определений складывается содержание терминов «этнокультура», «социокультура» и т.д.

С целью выявления и прослеживания движущих сил социокультурной динамики традиционного этноса здесь используются такие термины С.В. Лурье, как «традиционное сознание» и «личностное сознание». Как известно, сознание преобладающего большинства этноса всегда социально детерминировано, оно полностью отражает тип и уровень его традиционной культуры. Но в любом таком обществе имеется определенное количество людей, сознание которых в социальном плане детерминировано в меньшей степени. Подобные люди в критических ситуациях будут реагировать прежде всего на личностном уровне: они могут сознательно выйти из своего традиционного общества, могут в нем сознательно оставаться с целью его изменения или же сохранения. Как утверждает С.В. Лурье, без носителей личностного сознания процессы позитивных общественных трансформаций и смены объектов трансфера (трансфер – перенос бессознательного комплекса на реальный объект) на более адекватные невозможны⁶. Это означает, что этнос развивается благодаря активной деятельности отдельных этнофоров с развитым личностным сознанием.

Эпоха просвещенного абсолютизма

В XVIII в. чувашский этнос вошел как сообщество людей со своим языком, ценностной ориентацией, религией с ее обрядовыми комплексами и с общим этническим сознанием. Еще с XIV в. продолжалось понимание этнонима *чăваш* (<çăvasç) как противоположный конфессионному *пĕсĕрмен*, что означал «городской житель, мусульманин»⁷. В период Казанского

ханства булгары-мусульмане полностью окыпчакились, поэтому конфессионим *пёсёрмен* был вытеснен другим социально-конфессиональным термином (*тутар*). Даже в XIX в. в плане конфессии чувашаи противопоставляли себя татарам.

Итак, в начале XVIII в. чувашская идентичность определялась прежде всего приверженностью к народной религии, в которой основное место занимал культ предков, особо выраженный в обрядовом комплексе *су*⁸.

Бывшие булгары-земледельцы, будучи оторванными от активных этнических процессов в городах Булгарского улуса (XIV в.) и Казанского ханства (XV – сер. XVI в.) смогли сохраниться со своим языком и субкультурой ценой потери полноты социальной структуры (то есть чувашаи сложились в отдельный этнос без своей элиты). Большая часть служилых людей из чувашей были мусульманами, которые к XVIII в. успели раствориться в среде мишар и казанских татар. Оставшиеся были приравнены к ясашным людям.

Нельзя думать, что в чувашском традиционном обществе до XVIII в. не было людей с личностным сознанием. Они проявляли себя в кризисные периоды жизни общества: крестьянских восстаний и смут. Такие личности выдвигались и в начале XVIII в. (Якуп Ордикеев, Охадер Томеев и др.). Их значение определяется тем, что Новое время ставило перед чувашским обществом весьма сложные задачи, от правильного и своевременного решения которых зависело будущее всего этноса. Прежде всего следовало освободиться от средневекового сознания и уклада жизни, которые препятствовали вхождению чувашского этноса в новую реальность Российской империи эпохи Петра I. Чувашаи с максимальным личностным сознанием – как учитель чувашского языка новокрещенской школы Иван Михайлов; как крестьянин Еким Ишут, депутат нового Уложения от православных чувашей Свияжской провинции – осознавали необходимость своевременного вписания в изменившуюся реальность, при этом сохранив главные этнические ценности (язык, традиционную культуру). Подобные

люди поняли значение школьного образования для народа. В этом отношении они полностью придерживались идей Просвещения.

Идеи европейского Просвещения проникали в Поволжье прежде всего через воспитанников Киевской духовной академии. Именно они находили из среды разных народов региона людей с развитым личностным сознанием и привлекали их к просветительской деятельности. Такой фигурой первой величины является В. Пуцек-Григорович (архиепископ Казанский и Свияжский Вениамин), который собрал коллектив авторов и издал первые грамматики языков народов Волго-Камья. Под его благословением в новокрещенских школах и Казанской духовной семинарии активно изучались языки народов региона, сочинялись оды в духе поэтики польско-украинской риторической школы.

Подготовка и издание в 60-70-е годы XVIII в. первых грамматик языков народов Волго-Камья⁹ являются фактами как специфично-научными, так и культурно-историческими, может быть, еще и социально-политическими. Эти исторические события хорошо вписываются в эпоху мудрого царствования Екатерины II, которая, как образно выразился Н.М. Карамзин, «очистила самодержавие от примесов тиранства»¹⁰. При ней начался процесс укрепления гражданских основ как в системе управления, так и в обществе в целом. Императрица почитала, охраняла и утверждала права всех народов, подчиненных ее власти, смягчила нравы и всюду распространяла европейское просвещение¹¹. Она создала основу для новой социокультурной модели развития многонациональной России, в основе которой находились идея самобытности национальных культур, веротерпимость и декларация об отрицании всяких форм рабства¹².

Просветительские идеи императрицы крепостниками-дворянами не были поняты и приняты, что объясняется их нравственной, политической и экономической неразвитостью¹³. Депутаты-новокрещены желали, чтобы они были защищены от обид как со стороны русских людей, так и татар-мусульман, чтобы им, новокрещенным, было дано право лично продавать

продукты земледелия в городах, минуя скупщиков, чтобы облегчена была податная повинность¹⁴. Более высокую солидарность показали депутаты из «иноверцев» (татары-мусульмане, чувашаи-огнепоклонники и др.), которые через несколько лет добились указа «О терпимости всех вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» (1773 г.).

Итак, екатерининские идеи равенства всех людей, народов и их культур, проблемы свободы в гражданско-правовом обществе не были поняты и приняты как дворянами и чиновниками, так и самими «государственными крепостными» из национальных меньшинств Российской империи. Для их созревания потребовалось еще целых сто лет; лишь тогда в регионе Волго-Камья началось массовое просветительское движение, цели которого совпали с основными замыслами и идеями просвещенной монархии XVIII в.

До публичного оглашения своего исторического «Наказа» Екатерина II путешествовала по Волге, а в конце мая 1767 г. посетила г. Казань. 31 мая в загородном губернаторском доме было устроено особое празднество: туда собрали представителей всех народов региона в своих национальных костюмах. Такая «живая» этнографическая выставка очень понравилась государыне. Перед этим она посетила духовную семинарию, где в честь императрицы на языках народов региона были прочитаны оды, сочиненные в стиле польско-украинских вирш. Очевидно, именно под воздействием этих майских событий зародилась идея написания вышеназванных грамматик чувашского, удмуртского и марийского языков. Автором данного проекта могла быть и сама императрица¹⁵.

Следует подробнее остановиться на фигуре епископа Вениамина, одного из главных организаторов роскошного приема Екатерины II в Казани. В своем словаре о русских писателях Н. Новиков дал архиепископу Вениамину такую характеристику: «человек ученый и просвещенный, сочинил довольно поучительных слов, много похваляемые знающими людьми, но они не напечатаны»¹⁶. Будучи по происхождению полуукраинцем-полуполяком, Вениамин (в миру Василий Пуцек-Григорович) находился к кругу близких

друзей последнего украинского гетмана К.Г. Разумовского, ратовавшего за сохранение сословных привилегий своих земляков и их национальную автономию. Он глубоко сочувствовал митрополиту Арсению (Мацеевичу), открыто выступившему против секуляризации церковного имущества и ущемления прав украинского духовенства. Об этих симпатиях архиепископа Вениамина не могла не знать инициатор всех нововведений, то есть сама императрица.

Итак, отношения В. Пуцка-Григоровича с Екатериной II были не совсем ровными и простыми. С одной стороны, как убежденный сторонник идей европейского Просвещения, архиепископ Вениамин горячо поддерживал все начинания императрицы в области просвещения простого народа, прежде всего новокрещенных. С другой стороны, как нерусский по происхождению, он глубоко переживал за ущемление национальных прав нерусских народов, тайно протестовал против секуляризации церкви и ее слияния с государством. В этом плане Вениамин находился в некоторой оппозиции по отношению к политике унитаризации Екатерины II¹⁷.

В 1769 г. в типографии при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге увидели свет две книги, рукописи которых из Казани были отправлены архиепископом Вениамином. Первая представлена высокопреосвященством 14 марта 1768 г. и издана под названием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (без указания города и года издания). Вторая имеет более длинное название: «Духовная церемония...»¹⁸ и открывается с речи, произнесенной самим архиепископом. Данная традиция повторяется и в первой книге: ее «Предисловие» также принадлежит Вениамину. Только он, в то время реально проживавший среди народов Волго-Камья и конкретно руководивший подготовкой рукописи книги, мог написать нижеследующие многоинформативные слова: «очевидно каждому, кто с ними обращается» (автор принадлежит к тем же лицам), «сочинитель <...> первый подает пример» (во-первых, автор «Предисловия» является не сочинителем грамматики; во-вторых, он знает об отсутствии

сочинений подобного рода), «нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать» (т.е. он уже знает, что готовятся рукописи грамматик удмуртского и марийского языков), «начало часто подвержено недостаткам» (действительно, последующие грамматики более совершенны и объемны, чем первая), «чтоб достигли мы в сем и через сие...» (мы – это руководитель проекта и его исполнители) и т.д. Кроме всего этого, автор «Предисловия», как и остальные выходцы из Украины того периода, к проблеме национального равноправия народов относится весьма трепетно (эти народы «внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего», «чтобы сим способом показать им и вперить в них мысли, что они суть члены тела нашего, что они наши сограждане, и что мы их инако и не почитаем»).

Когда заходит речь о подготовке отдельного экземпляра книги «во французском переплёте и послании ее в подарок», обычно упоминают имя только одного Вениамина¹⁹. Между тем из протокола комиссии Академии наук § 21 «О напечатании наставлений к грамматике чувашского языка» (12 января 1769 г.) известно второе такое лицо – его сиятельство граф Кирилл Григорьевич Разумовский²⁰. Если первому лицу удостоили подобной чести из-за представления им рукописи с предисловием, то второй заслужил ее, думается, оказанием своей помощи в решении вопроса ее печатания и издания²¹.

Итак, картина значительно проясняется: обе книги были представлены в Академию наук архиепископом Вениамином, а в столице дела своего земляка и единомышленника продвигал председатель Чрезвычайного совета при дворе, «ежедневный собеседник» Екатерины II, бывший гетман Малой России К.Г. Разумовский. Он, как и В. Пуцек-Григорович, горел желанием достичь в Российской империи фактического равноправия народов.

Обобщая изложенные здесь положения и факты, необходимо выделить ряд идей просветителей раннего периода екатерининской эпохи (60-70-е

годы XVIII в.), которые, очевидно, составляют основу модели социокультурного развития народов России в последующие века:

1. *Идея равноправия* (отдельных членов общества перед законом – Екатерина II; сословий – отдельные депутаты комиссии нового Уложения; народов – украинская интеллигенция во главе с последним гетманом К.Г. Разумовским).

2. *Определение языка как главного этнодифференцирующего признака народа* (раньше для чувашей важнее было выделение себя из среды этносов по конфессии и костюму, а не по языку).

3. *Признание необходимости функционирования как устной, так и письменной* (на основе кириллицы) *культуры народа* (создание и развитие литературного языка, наличие переводов духовной и светской литературы, развитие оригинальной литературы и т.д.).

4. *Идея просвещения народа путем подготовки учителей* (как из среды духовенства, так и из самих крестьян) и *открытия школ*. Воплощая данную идею, просветители XIX в. (И.Я. Яковлев и др.) запустили механизм воспроизводства национальной интеллигенции и непрерывного преумножения духовных ценностей нации.

Именно такая модель социокультурного развития, пропитанная идеей равного положения всех народов, их культур и языков в одном государстве, способствовала выработке следующей национальной идеи всех этнокультурных народов региона: «Язык – Культура – Образование».

К вышеприведенным выводам подводит использованный здесь культурфилософский взгляд на социально-политические и культурно-исторические процессы в России времен подготовки и издания первых грамматик языков народов Волго-Камья в проекции определения оптимальной модели их развития в последующие эпохи.

Здесь нет необходимости подробно описывать деятельность отдельных чувашей с развитым личностным сознанием эпохи правления Екатерины II (переводы прозаических текстов, составление од и словарей), творчество

таких исторических личностей, как Ермей Рожанский и его ученики из Нижегородской семинарии; Никита Пичуринский (впоследствии китаист-востоковед Н Бичурин), Петр Талиев и другие воспитанники Казанской семинарии²². Все они трудились на ниве просвещения и всячески старались положительно повлиять на социокультурную динамику чувашского этноса. К сожалению, российское общество значительно отставало от темпов развития Европы, чему способствовали как объективные, так и субъективные (например, реакционная личность Николая I) причины.

Эпоха национально-просветительских движений в России

Чувашская письменная культура XVIII в. развивалась преимущественно под знаком неосознанного авторства, при этом вся литература на чувашском языке имела коллективное сознание. Из целого ряда од и речей, переводов и словарей, разговорника многие оставались в рукописях и не доходили до основной массы читателей.

Ситуация изменилась в 1800 г., когда в Санкт-Петербурге вышла первая книга на чувашском языке («Краткий катехизис» в переводе Е Рожанского). С того времени начинается книжный период чувашской письменной культуры. В 20-е годы XIX в. открываются первые школы для чувашских детей в сельской местности. Стараниями священников Н. Базилевского и А. Алмазова впервые были изданы их проповеди и поучения, тем самым были заложены основы жанров чувашской гомилетики. В течение четверти века (1800-1826) утвердился чувашский литературный язык и правила письма, контролируемые и направляемые главным чувашским цензором П. Талиевым.

С 1827 г. начинается новый период истории чувашской письменной культуры. В первую очередь чувашский народ становится объектом изучения со стороны российской общественности и предметом ее философско-идеологических споров. Так, сторонники классической эстетики и часть радикальных романтиков видели в нерусских народах лишь их

отрицательные качества, отказывали им в творческих способностях. Другая часть романтиков, а также сторонники философской эстетики (прежде всего Н. Надеждин) верили в умственную способность простых крестьян. Благодаря представителям романтической эстетики Поволжья (А. Фукс, Д. Ознобишин и др.) были записаны и переведены на русский язык поэтические тексты Хведи Чуваша. «Он не думал про парнас // Созидав свое творенье» - писал Д. Ознобишин о творчестве чувашского импровизатора и певца.

Первым источником становления индивидуального авторского сознания в чувашской культуре (литературе) явилась народная песня. Вторым его источником следует считать письменные тексты на чувашском языке, прежде всего словари и переводы В. Вишневого, автора второй грамматики чувашского языка²³. Данный период становления чувашской литературы полностью совпал с периодом консолидации этноса и утверждения нового этнического сознания, он теснейшим образом связан с развитием письменной культуры в целом, книжным делом и школьным образованием, формированием национальной интеллигенции. Этим просветительским делом в 30-50-е годы XIX в. руководил В. Вишневский, который полностью завершил переходную эпоху чувашского этноса от народно-средневековой конфессии к православию в духе российского Просвещения. Уже в 50-е годы на всю Европу заговорили о чувашском народе с его оригинальным языком и культурой, в том числе и письменной. Выдвинулись такие талантливые ученики В. Вишневого, как В. Громов, В. Лебедев, С. Михайлов (Яндуш). Чувашский этнос становился уже полноправным субъектом истории и уверенно завоевывал для себя достойное место в этническом мире и культурном пространстве Европы и Азии. Теперь у чувашского народа была своя, хотя и еще не окрепшая в борьбе, элита, которую составляли прогрессивная часть духовенства и сельское учительство. К ней примыкали и чиновники с творческим дарованием (В. Лебедев, С. Михайлов и др.).

В начале XVIII в. петровская Россия становится полноправной империей со своей необходимой атрибутикой: наличие императора,

колониальных земель и народов... В процессе формирования имперского сознания традиционная идея византийской преемственности России способствовала выработке долгосрочного «греческого проекта». Иными словами: Россия представляла себя уже как новая Греческая империя, покровительница единоверных греков. Поэтому она основой внешнеполитической модели развития считала покорение оттоманской империи с целью «освобождения» бывшей столицы православия – Константинополя – от мусульман²⁴.

История противоборства Московского государства с мусульманской Турцией берёт свое начало с периода существования татарских ханств – Казанского, Астраханского и Крымского. После их завоевания Московия становится многоконфессиональным государством. Религиозная нетерпимость и агрессивность царского самодержавия постоянно спровоцировали татарских князей, мурз и служилых людей к ответным действиям. Наиболее эффективной являлась активная пропаганда ислама среди бывших покорённых им народов-огнепоклонников, прежде всего болгаро-чувашей.

Идея противомусульманской и противоязыческой борьбы вырабатывалась в России во второй половине XVIII в., итогом которой явились подготовка и издание христианских катехизисов на чувашском, мордовском и других языках народов региона. В 50-е годы XIX в. в Казанской духовной академии функционировали специальные миссионерские отделения, в которых готовили миссионеров для работы в среде иноверцев (татар, чувашей, марийцев). К началу 60-х годов XIX в. в России сложилось религиозно-просветительское движение, опиравшееся прежде всего на миссионерскую деятельность. Оно частично допускало исполнение церковных проповедей и поучений для прихожан на их родном языке. Главной целью данной миссионерской деятельности была борьба против мусульманства и язычества.

В 60-е годы XX в. в результате поражения Российской империи в Крымской войне 1854-1856 годов и польского восстания, резко возрастает русское национальное сознание, а усиленное стремление к «внутренней» колонизации порождает политику скорейшей русификации колониальных «инородцев», прежде всего из среды новокрещённых. Постепенно правительство убеждается, что путь к полной ассимиляции лежит через миссионерские школы с частичным использованием родного языка учеников. Так зарождается казанская школьная система, названная первоначально именами Н.И. Золотницкого и Н.И. Ильминского. Данная (вторая) разновидность просветительства опиралась прежде всего на школьное миссионерство с родным языком обучения. Допускалось издание переводной христианской литературы для массового чтения. О целях своей системы обучения детей нерусских народов Н.И. Ильминский писал следующее: «При этом я полагаю, что главный интерес обучения инородцев состоит не в русском языке, а в развитии общечеловеческих понятий, нравственных начал и убеждений и русских симпатий; собственно русский язык сам по себе имеет второстепенное, хотя и важное значение»²⁵. Реакционная часть русского общества, прежде всего священники из чувашских приходов, резко нападали на деятелей-приверженцев школы Золотницкого-Ильминского²⁶. Их ненавидели и мусульмане Урало-Поволжья²⁷.

Как известно, система образования Золотницкого-Ильминского опиралась на исторический опыт и пример православного святого XIV в. Стефана Пермского. В 60-е годы XIX в. в Казани резко усилилось внимание к его творчеству. Так, попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков по проблемам образования и миссионерства среди местных народов издал ряд книг, в первую очередь о св. Стефане и созданной им письменности²⁸. Созданное в Казани «Братство св. Гурия» фактически ориентировалось на опыт христианского просвещения св. Стефана (создание письменности, обучение детей на их родном языке и т.д.), но конечная цель данной системы определялась людьми из высших кругов царского правительства²⁹.

Реакционная часть русской интеллигенции и духовенства всегда была против системы Золотницкого-Ильминского, они в ней видели попытку национального развития, ведущего, по их мнению, к сепаратизму развивающихся народов. В деятельности данной системы можно обнаружить не только отрицательные, но и некоторые положительные стороны.

Третья разновидность просветительства зародилась в 50-е годы XIX в. и полностью утвердилась в 70-80-е годы того же столетия (чувашские деятели С. Михайлов, М. Федоров, И. Юркин). Она опиралась главным образом на национально-русское светское обучение по образцу текстов букваря К. Ушинского.

Четвертой разновидностью просветительства следует считать педагогические взгляды чувашского просветителя И. Яковлева. Особенностью его педагогической деятельности заключается в том, что он умело смог синтезировать вторую и третью разновидности просветительства. Специально изучивший методы иезуитов, официально он выступал за миссионерство и духовное обрусение чувашей, а на практике развивал национальную культуру, прививал светское обучение (чтение оригинальных рассказов на чувашском языке, развитие светского хорового пения и инструментального исполнительства и т.д.), выращивал светскую интеллигенцию с творческой и научно-практической склонностью. В его школе создавались классические произведения К. Иванова, Ф. Павлова, Г. Коренькова и других деятелей чувашской культуры начала XX в.

В православном мире Поволжья второй половины XIX в. сосуществовали все вышеназванные разновидности просветительства. Тенденции к светскому образованию наблюдались и в татарском обществе.

На фоне всеобщей не востребоваемости литературно-художественного творчества на языках нерусских народов поэзия И.А. Куратова становится для просветителей светско-национального направления своеобразным маяком-ориентиром. Фактически его творческая деятельность не вмещается в рамки просветительства XIX в. Был бы он в 70-е годы в родном крае,

непрерывно занялся бы просвещением коми народа, быть может, создал бы свою систему школьного образования³⁰. Но ему не суждено было идти по тому тернистому пути, по которому пошел чувашский просветитель и предводитель народа И.Я. Яковлев.

В поисках истоков системы И.Я. Яковлева мы вновь должны обратиться к деятельности Ильминского. Хотя она опиралась на православно-миссионерский и самодержавный фундамент, тем не менее данная просветительская система дала народам Поволжья самое главное: школы с родным языком обучения³¹. За родным языком в школы пришли учителя-сородичи. Появилась необходимость литературных текстов на родном языке. Вот здесь И.Я. Яковлев проявил свою мудрость и гибкость. В первые же буквари он включил оригинальные светские рассказы и переводы произведений классиков русской литературы. Между тем в книгах для чтения на марийском и удмуртском языках преобладали тексты миссионерского содержания.

В литературной школе Яковлева господствовали коллективные формы творчества, что отражалось и в авторском сознании произведений³². Уже в 80-е годы происходит эволюция образа повествователя, который становится полноправным героем произведения. Подобные тексты обычно завершаются народными пословицами или поговорками. В них обобщение происходит не на основе формальной логики, а опорой на так называемую логику прецедента, широко распространенной в мышлении восточных народов. Это происходит и от того, что яковлевское просветительство опиралось на синхронное сравнение (сравнение действий и поступков отдельных людей, сравнение народов и их культур с целью преодоления отставания своего народа и т.д.). «Чуваши тоже люди» (Чăваш та ынах) – вот основная формула яковлевцев. К концу XIX в. в чувашском обществе параллельно первому развивался другой тип мышления, известный как линейный с его следующими составными частями: прошлое – настоящее – будущее. В те

годы чувашская интеллигенция усиленно стала интересоваться историей народа, заботиться о настоящем с учетом его будущего.

Итак, чувашский интеллигент с развитым личностным сознанием на рубеже XIX – XX веков занялся глубокими размышлениями о возможных путях социокультурного развития своего этноса в новую эпоху с приближающимися великими социальными потрясениями. Он уже знал, что для родного народа обратного пути назад, в эпоху закрытого средневекового общества, уже нет, поэтому ему предстоит активный поиск своего местонахождения в полиэтническом пространстве Российской империи.

Эпоха этнокультурной и этнополитической наций

С неполной социально-классовой структурой чувашский этнос функционировал вплоть до середины XIX в. В этом плане более продвинутыми в регионе являлись русские и татары. Хотя последние тоже (все же меньше, чем чувашаи) находились в зависимом положении, но, в отличие от других народов Урало-Поволжья, татарское общество сумело сохранить некоторые свои сословия, например, мусульманское духовенство, городское торговое население и др. Поэтому оно встало на путь капиталистического развития почти в одно и то же время с русским обществом.

В становлении и развитии современной татарской нации исследователи выделяют особенно три последовательных этапа: развитие мусульманской нации (XVIII – середина XIX в.), формирование этнической (этнокультурной) нации (вторая половина XIX в. – 1905 г.) и образование политической нации (1905 г. – конец 1920-х гг.)³³. На первом этапе объединяющим фактором выступает ислам, на втором – этнокультура. Третий этап выдвинул вперед социально-политические проблемы нации.

Аналогичные этапы становления этноса как нации проходил и чувашский народ. В отличие от татар, чувашаи отошли от конфессионального сознания к этнокультурному относительно рано, чему способствовала, как известно, их

массовая христианизация в 40-е годы XVIII в. Свой былой этноконфессионализм чувашки трансформировали в чистый этноним (ибо среди чувашей-христиан оставались и чувашки-огнепоклонники) с 40-х годов XVIII в. до первой половины XIX в. Поэтому данную эпоху соответственно следует назвать *переходной эпохой* от конфессионального сознания к этнокультурному. К середине XIX в. главными этнодифференцирующими признаками чувашей являлись язык, костюм, обрядовый быт, но только не религия³⁴.

Формирование чувашской этнокультурной нации начинается в 60-е годы XIX в. одновременно с просветительским движением народов региона. Этот этап, по сравнению с подобной эпохой татарского общества, несколько теряет динамику своего становления в годы реакции и первой мировой войны, но с большим успехом завершается в 1917 г. и уверенно переходит к этапу образования политической нации.

Первая практическая реализация идеи культурной автономии чувашей обнаружилась в 1906 г., когда был организован общенациональный союз чувашских революционных деятелей и представителей учительства. Это национальное объединение входило в состав Всероссийского союза с определенными правами и частичной автономией. В те революционные годы чувашской прогрессивной интеллигенции мерещились следующие перспективы ближайшего будущего нации: «Чувашки пользуются полной культурно-национальной автономией. Получая от государства пропорциональную долю бюджета на культурно-просветительские потребности, чувашский народ создает общенациональный орган просвещения и национальной культуры, облегченный полномочиями государственной власти и совершенно независимый от центрального правительства»³⁵.

Итак, эпоха *формирования этнокультурной нации* чувашей включает в себя несколько накладывающихся друг на друга тенденций. На чисто просветительский период (60-е годы XIX в. – 1902 г.) в начале XX в.

накладываются годы нарастающей и убывающей социально-политической активности (1903 – 1908 гг.) и годы скрытого недовольства и разочарований в обществе (1909 – 1916 гг.). Естественному переходу к этапу политической нации чувашское общество внутренне созрело лишь к 1917 г. Некоторый его подъем в годы первой революции следует отнести, очевидно, к воздействиям внешних социально-политических факторов. Поэтому чувашский общенациональный «союз» и другие радикальные партийные организации (например, чувашская автономная фракция социалистов-революционеров) функционировали недолго, многие их члены были арестованы и сосланы в Сибирь или высланы в заграницу³⁶. Фактически с 1908 г. чувашская политическая жизнь затихла надолго, в России начались годы реакции. В тот период чувашская прогрессивная интеллигенция изменила свою тактику борьбы за национальное освобождение от самодержавного гнета. Вот ее решения: прекратить поднимать крестьян на восстания, зная, что восстание не достигнет цели, а только поможет самодержавию уничтожить лучших вожakov революции; вразы усилить культурно-просветительскую работу, заняться созданием национальной светской культуры³⁷.

Новая волна общенациональной политической борьбы захлестнула чувашское общество в начале 1917 г. Тогда оно изнутри созрело к переходу от нации этнокультурного типа к настоящей политической нации. Дальнейшее развитие чувашской политической нации прерывается в конце 20-х годов XX в. из-за известной политики советского государства во главе с «вождем всех народов» И. Сталиным.

Итак, становление чувашской этнокультурной нации затянулось до 1917 г., а образование политической нации в начале XX в. проходило волнообразными подъемами и спадами. Именно в те годы чувашский народ полностью созрел как этнокультурная нация и поднялся на первую ступень этапа политической нации. Сталинский тоталитарный режим вмешался в логику развития молодых наций и к 30-м годам XX в. выхолощил идею их самостоятельного развития. В искусстве социалистический реализм как

официальный метод полностью исключал национальную идею, ориентируя «инженера человеческих душ» (а не художника) на сглаживание национальных различий, на интернационализм³⁸.

Формирование общенациональной идеи

Чувашское просветительство последней трети XIX в. решало следующие неотлагательные задачи: формирование национальной интеллигенции, открытие школ с новым методом обучения (первые два года на родном языке учащихся). Просветители четко осознавали, что будущее нации зависит в первую очередь от решения проблем школы и образования народа. Борьба чувашской интеллигенции и передовой части духовенства за новый (звуковой) метод образования в своих устремлениях и целях полностью совпадали с татарско-башкирским джадидистским движением второй половины XIX в. Но были и некоторые отличия. Чувашским «новометодникам» приходилось защищаться не только от потомственных иноязычных священников и местных дворян, но и от царских чиновников-бюрократов в системе школьного образования (шовинистически настроенных директоров училищ, попечителей и инспекторов учебных округов). Борьба обострилась после снятия И.Я. Яковлева с должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа в 1903 г. и упразднения самой должности (она была введена в 1867 г. и в определенной степени выполняла объединительную функцию чувашского учительства и духовенства). Тогда все хорошо понимали, что упразднение должности общенационального лидера в школьном деле легко могло привести к демонтажу отлаженного механизма непрерывного воспроизводства образованных чувашей, владеющих не только русской, но и национальной грамотой, ее письменной культурой.

Чувашские просветители были охвачены, как известно, идеей преодоления культурной отсталости родного народа. В начале XX в. прогрессивная интеллигенция сменила чисто просветительскую парадигму

этноцентричной идеей, на что имелись объективные причины. Первая причина связана с ростом этнического сознания. В начале XX в. оно достигло такого уровня роста, когда чувашская интеллигенция резко ощутила и осознала реальную угрозу исчезновения чувашского народа как малочисленного и национально ущемленного, угнетенного в окружении господствующего русского общества. Такое осознание происходило потому, что особые условия существования (малочисленность, неполная социально-классовая структура, инородное духовенство) угнетаемых народов в великих империях во все времена активизировали их национальное самосознание.

Второй причиной резкого роста чувашского национального самосознания является учащение нападок на чувашское просветительство (некоторые из них приведены выше). Все это вынудило прогрессивной интеллигенции к активному поиску национальной идеи. Почти одновременно с татарским обществом (речь идет о повести Г. Исхаки «Исчезновение спустя двести лет», написанной в 1902 г. и изданной в 1904 г.) чувашские творческие деятели занялись критикой действительности в плане социального и национального обустройства. Они требовали реального равноправия народов как в образовании, так и в социально-политической жизни. Их полностью не устраивала и идея просветителей культурного и религиозно-нравственного сближения чувашей с русским обществом, которая, по их убеждению, вела к вынужденной ассимиляции и вырождению чувашского народа (чуваш. *сухалу*, татар. *инкыйраз*). Воспринимая прогрессивную русскую светскую литературу, они отрицали литературу миссионерского и монархического содержания. «Цель монархии – не учить народ», – записал в свою тетрадь по логике Н. Шубоссинни 4 февраля 1907 г. Там же поэт дал следующие определения: «Средство достижения равноправия – просвещение»; «Все социалисты – люди свободолюбивые»³⁹. В устах чувашской интеллигенции того времени постоянно звучали слова, касающиеся проблемам социального и национально-политического обустройства новой чувашской жизни.

Просветительская система И.Я. Яковлева, опиравшаяся на официальную идеологию самодержавного государства при Александре II («Православие – самодержавие – народность»), на рубеже веков показала свою консервативность, как не отвечающая требованиям нового времени. Чувашская интеллигенция и учащаяся молодежь все чаще и чаще начинают проявлять свои недовольства как школьными консервативными порядками, так и поведением государственных бюрократов во главе с монархом⁴⁰.

В начале XX в. сформировалась чувашская общенациональная идея с ее прогрессивным и регрессивным (консервативным) вариантами (крыльями). Она формировалась в результате обновления прогрессистами яковлевской просветительской системы последней трети XIX в. Для Яковлева чувашский язык – главным образом средство религиозно-нравственного воспитания и не более. Для прогрессивной интеллигенции родной язык являлся основой нации и ее культуры, главным его этнодифференцирующим признаком. Часть старой яковлевской гвардии тоже не чуждалась некоторых национально-прогрессивных взглядов, тем самым она сближалась с умеренными прогрессистами во главе с Н.В. Никольским. Крайняя часть регрессивно-консервативного направления отрицала народное творчество (О. Романов), восхваляла монархию и ее политику войны, имперский патриотизм (Т. Кириллов). В то же время и они ратовали за расширение функции чувашского языка, общекультурное развитие народа. В то же время, в отличие от представителей прогрессивного крыла, они не признавали социальную и политическую борьбу народа.

Итак, в чувашской общенациональной идее базисными являлись *родной язык, национальная культура и образование*. При этом представители прогрессивного крыла видели культуру и образование исключительно светскими, а представители консервативного крыла – преимущественно религиозно-нравственными. Представители прогрессивного крыла даже в годы реакции развивали науку, собирали и изучали фольклор, создавали светскую профессиональную культуру. В начале 1918 г. они смогли сплотить

первое чувашское правительство как альтернативную форму к советской власти⁴¹.

Основным выразителем национального самосознания в те и последующие годы была художественная литература, наличие в ней национальной идеи являлось важнейшим критерием и показателем ее ценности и востребованности. Главным идеологом чувашской национальной идеи в литературе послереволюционного времени (1917-1922 годы) по праву считается М. Сеспель. Он воспринял революцию именно как акт национального протеста против политики русификации и подавления национальных культур⁴². Национальная идея поэта сфокусирована в формуле «родной язык – национальная культура – образование». С этой позиции его можно считать достойным восприемником идеалов чувашской прогрессивной интеллигенции начала XX в. Но М. Сеспель воспевал и чувашскую политическую автономию, что содержательно обогащает и наполняет вышеназванную формулу новым смыслом. М. Сеспель, будучи председателем ревтрибунала и заведующим отделом юстиции Чувашской автономной области, намечал внедрение чувашского языка в судебную систему. В 1921 г. чувашские государственные деятели приступили к коренизации всех структур советской власти и государственных учреждений, развивать систему национального образования. Следовательно, первое составное в формуле-триаде (родной язык) подразумевалось в те годы не только как язык книг, культуры и образования, но и как язык, обслуживающий национальное государственное образование, то есть как государственный язык. Действительно, в конституцию Чувашской АССР 1926 г. он вошел наравне с русским в статусе государственного языка ее территории. В те годы чувашский язык становился в школах республики языком обучения многих предметов. В 30-е годы стоял вопрос о внедрении чувашского языка в вузы.

Мощным фактором роста этнического самосознания и обогащения национального политического дискурса является историческое сознание

этноса. После издания книги Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваши» (Казань, 1902) чувашская интеллигенция полностью осознала себя как полноправный исторический субъект. Историю родного народа на родном языке в первую очередь написали писатели Э. Турхан и Г. Комиссаров (Вандер), лишь потом – историки (М. Петров-Тинехпи). История болгар, хазар и гуннов, далеких предков чувашей, волновала не одно поколение чувашских поэтов, драматургов и прозаиков. Еще в 1905 г. Э. Турхан мечтал написать роман о болгарах, Н. Шелеби сочинил ряд поэм-преданий о болгарском периоде жизни предков чувашей. Данный период отображен в ряде трагедий Г. Тал-Мрзы, стихотворениях П. Хузангая, В. Митты. Последние называли себя болгарами и гордились своими славными предками. В рассказе М. Сеспеля «Върман ачисем» (Дети леса) чуваша исполняют героическую песню о славном своем предке Атилле. Лирический герой новеллы М. Юмана «Шевле вылять» (Играет зарница) ищет опору в легендарных предках-богатырях. Одним словом, фольклорные легенды о богатырях и исторические предания о чувашских царях, былых государствах, художественные произведения писателей, научные труды ученых – все это подпитывало и поддерживало национальную идею чувашского народа⁴³.

Далее подробнее следует проследить политические позиции и действия лидеров национального движения в Поволжье в 1917 г. Организационный период в национальном движении немусульманских народов региона начался сразу за февральской революцией: 22 марта 1917 г. по инициативе приват-доцента Казанского университета Н.В. Никольского, чуваша по национальности, собрался первый съезд «Союза (первоначально – Общества) мелких народностей Поволжья». Были созданы национальные секции, которые к августу того же года составляли следующую пропорцию: чувашская – 193 чел., марийская – 47 чел., крещенотатарская – 27 чел., удмуртская – 7 чел. и мордовская без данных⁴⁴.

На очередном съезде, проходившем 15-22 мая 1917 г., обсуждался вопрос государственного устройства новой России и её национальных

окраин. Второй вариант принятой на том съезде резолюции имел следующие рекомендации: «Общее собрание представителей мелких народностей Поволжья, обсудив вопрос о форме правления в России и принимая во внимание: 1) что наилучшей формой государственного устройства, в полной мере обеспечивающей народовластие, является федеральная республика; 2) что большинство населения Российской Державы при его сравнительно низком культурном и политическом уровне не может, к сожалению, считаться подготовленным к немедленному введению в России федеративной республики; 3) что, за вынужденным отказом от введения в России теперь же федеративной республики, надлежит высказаться за учреждение в России демократической республики, и 4) что Российская демократическая республика должна быть устроена на таких началах, чтобы в ее основных законах не заключалось препятствий к переходу ее в федеративную республику, при наступлении соответствующих культурно-политических условий...»⁴⁵.

В данном варианте резолюции о местном самоуправлении сказано не совсем ясно. В первом же варианте (его внес чуваш И.В. Васильев) четко изложена перспектива перерождения самоуправления в Поволжье: «Съезд представителей мелких народностей Поволжья вынес решение: в настоящий момент своих штатов не образовывать, но в законодательном порядке обеспечить возможность перерождения самоуправления в местные штаты на территориально-национальных основах, когда местные национальности политически и культурно доразовьются до надлежащего уровня»⁴⁶.

Чувашские и марийские политические деятели спохватились лишь после принятия Миллет Меджлисом (первым татарским парламентом) решения о создании «Идель-Урал Штата». Времени на культурно-политическое «доразвитие» не хватало, поэтому они вынуждены были выступить против создания «Татаро-Башкирской республики». К 1920 г. многие из них оказались либо на стороне противников советской власти, либо по разным причинам уходили с политической арены. А новое поколение политиков-

коммунистов во главе с С.Д. Эльменем низвело проект «национальных штатов» до уровня «коммуны».

По логике событий и действий, а также по стратегическому плану Н.В. Никольского и его соратников, их «Союз» со временем должен был превратиться в полноправный субъект (штаты) Российской Федеративной республики с равными культурно-автономными правами входящих туда народов⁴⁷.

В случае неудачи октябрьского переворота и сохранения Временного правительства, а также активной работы Учредительного собрания в его новом составе (выборы состоялись в ноябре 1917 г.) многие прогрессивные идеи лидеров национального движения народов Поволжья вполне могли воплотиться в общественно-политическую жизнь России последующих годов. Вспомним следующие факты. В тот период председателями Чебоксарского, Цивильского, Ядринского и Буинского уездных управ были избраны чувашаи, Казанскую губернскую управу возглавлял один из лидеров чувашского национального движения Н.В. Никольский. На выборах в Учредительное собрание чувашаи Казанской губернии выступили единым фронтом и достигли блестящих результатов⁴⁸. Это была многообещающая политическая победа лидеров чувашского национального движения. Но последующие за октябрьским переворотом события повели социокультурное и политическое развитие России по другому пути.

В истории чувашского народа и его культуры 1900-1920-е годы действительно были эпохой резкого подъема национального самосознания и активного поиска национальной идеи. В результате перехода чувашской нации от этнокультурного этапа к политическому формула-триада обогатилась новым содержанием (идеей коренизации и функционирования государственного языка, стремлением создания национальной системы образования и др.). Чувашская национальная идеология представилась в те годы в усовершенствованной модели «чувашский (государственный) язык – национальная культура – национальное образование».

Заключение

Защитные механизмы чувашского этноса, задействованные во второй половине XIV в. в результате разрушительных процессов в регионе, в последующие три века не позволяли ему втянуться в процессы позитивных общественных трансформаций. Возможность смены режима работы средневекового этнического организма появилась лишь в Новое время, когда в российских прогрессивных умах появились идеи великих людей эпохи европейского Просвещения.

Христианизация чувашского общества и деятельность первых просветителей создали благодатную почву для формирования нового этнического сознания и указали на возможные пути социо- и этнокультурного развития. Но объективные и субъективные факторы притормаживали позитивные процессы в России вплоть до отмены в ней крепостного права и появления положительных результатов от новых реформ.

В условиях российской реальности светское просветительское движение православных народов Поволжья зарождалось в недрах религиозного просветительства и на рубеже XIX и XX веков они превратились в антагонистические силы. Умами молодой интеллигенции стал управлять линейный тип мышления. Начался активный поиск «нахождения себя» в историческом прошлом, настоящем и будущем. На такой почве зародилась идея нации, поиск возможных моделей его развития.

В 1917 г. чувашская прогрессивная интеллигенция смело повела народ по пути создания политической нации, которая в последующее десятилетие сумела выработать национальную идеологию в формуле «чувашский (государственный) язык – национальная культура – национальное образование».

Такая модель социокультурного развития чувашской нации несомненно существует в умах и современных чувашей с развитым личностным

сознанием, и они также глубоко переживают за будущую судьбу родного народа.

Литература и примечания

---

¹ Первой попыткой такого обобщения на материале культур народов Волго-Камья является монография талантливого исследователя из Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН Р. Ф. Юсуфова, учителя и наставника автора данной работы. (см.: *Юсуфов Р.Ф.* История литературы в культурософском освещении / Р.Ф. Юсуфов. М.: Наука, 2005. – 435 с.)

² Данной проблеме посвящена следующая кандидатская диссертация: *Черных В.А.* Факторы культурно-исторического самоопределения России в культурософии Н.С. Трубецкого: Дис... канд. культурологических наук: 24.00.02. Барнаул, 1999. – 186 с. [Электронный ресурс]: <http://www/lib/ua-ru/net/cliss/cont/188869/html> (дата обращения 18.10.2010). Также имеется одноименная статья А.И. Бакшеева в интернете [Электронный ресурс]: <http://kraspybl/content/view/331/1/> (дата обращения 18.10.2010). Последний необоснованно подчеркивает «утопичность прогностической модели развития русской культуры и общества в культурософии Н.С. Трубецкого». Как известно, идеи крупнейшего представителя теории локальных цивилизаций успешно развивают современные сторонники евразийства.

³ *Баграмов Э.А.* Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов [Электронный ресурс]: http://vphil.ru/index2.php?option=com_content (дата обращения 01.11.2010). Исследователь показывает антисторизм и нереалистичность построений конструктивистов, которые неправоммерно абсолютизируют субъектный фактор. Сегодня даже главный отечественный конструктивист В.А. Тишков вынужден признать, что «гражданская нация не противоречит существованию этнических наций» (Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М., 2008. С. 3).

⁴ *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гадеамус, 2004. – 624 с.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 410.

⁷ *Родионов В.Г.* Об основных этапах трансформации некоторых сословных и конфессиональных терминов в Булгарском улусе и Казанском ханстве / В.Г. Родионов // Туркология. – Туркистан. – 2008. – №№5-6 (37-38). С. 10-19.

⁸ *Родионов В.Г.* К проблеме реконструкции чувашского обрядового комплекса *çу* /В.Г. Родионов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007/2008. – №3. – С. 53-62.

⁹ Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. [СПб.: Тип. Академии наук, 1769] – 68 с.; Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка. СПб.: Тип. Академии наук, 1775. – 113 с.; Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб.: Тип. Академии наук, 1775. – 136 с.

---

¹⁰ *Рахматуллин М.А.* Екатерина II. Николай I. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 129.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² В «Наказе» Екатерины II, сочиненном в виде пожеланий Комиссии по составлению нового Уложения, имеются статьи следующего содержания (цифрами указаны номера статей): «34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам. 35. Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжение имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания, полученные им только как правительствующим особам государства. 38. Вольность есть право всё то делать, что законы дозволяют, и, если бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже больше вольности не было; ибо и другие имели бы равным образом сию власть. 39. <...> чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов. 58. Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить <...>. 63. Словом сказать: всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. 92. <...> с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тотчас к обороне приступают. 96. <...> Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить. 98. Власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан. 158. <...> и для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат. 254. Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми. 494. В столь великом Государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредной для спокойствия и безопасности своих граждан был порок – запрещение или недозволение их различных вер. 496. Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковейные сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине Государства и соединению граждан». См.: Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 [Электронный ресурс]: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=12793 (дата обращения 18.10.2010 г.)

¹³ *Рахматуллин М.А.* Указ раб. С. 59.

¹⁴ *Никольский Н.В.* Собр. соч. / в 4-х тт. Т. II. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 208.

¹⁵ На это указывает ее рескрипт следующего содержания: «Преосвященный епископ нижегородский Дамаскин! Считаю, что в Нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов, в епархии Вашей обитающих, я желаю, чтобы Ваше преосвященство доставили мне словарь тех языков с российским переводом, расположа оной по алфавиту российских слов и сверх письмян оных народов написав по-русски каждое слово, как оно произносится. Пребываю впрочем Вам доброжелательная Екатерина. В Царском селе. Августа 26-го 1784 года». См.: *Родионов В.Г.* К истории создания «Словаря языков разных народов» (СЯРН, 1785) / В.Г. Родионов // Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 313.

¹⁶ *Новиков Н.* Опыт исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий. СПб., 1772. – С. 30.

---

¹⁷ *Харлампович К.В.* Малорусское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 468.

¹⁸ Духовная церемония, производившаяся во время всевожденного присутствия Её Императорского Величества великой Государыни, Премудрейшей Монархини и попечительнейшей матери Екатерины Второй в Казани... [СПб.]: Тип. Академии наук, 1769. – 46 с.

¹⁹ *Шамрай Д.Д.* К истории появления первой грамматики чувашского языка / Д.Д. Шамрай // Ученые записки Чувашского НИИ ЯЛИ при Совете Министерств Чувашской АССР. Вып. XII. Чебоксары, 1955. С. 226.

²⁰ Архив РАН (Петербург. отд.), ф. 3, оп. 1. № 540. Л. 49-50.

²¹ Как известно, в состав комиссии вошли академики, считавшиеся верными учениками великого ученого Леонарда Эйлера, близкого друга бывшего президента Академии наук К.Г. Разумовского: астроном С.Я. Румовский, по происхождению украинец; математик С.К. Котельников; филолог и историк, конференц-секретарь Академии наук Я.Я Штелин и сын самого учителя И.А. Эйлер, сменивший предыдущего члена комиссии в должности конференц-секретаря в 1769 г.

²² Ермей Рожанский, ученик и соратник епископов Вениамина и Дамаскина (в миру Д. Семенов-Руднев), в 1773 г. на чувашский язык перевел тексты букварного характера ученого Л. Бакмейстера, в 80-е гг. участвовал в составлении и редактировании чувашской и татарской частей «Словаря языков разных народов», на родной язык переложил «Краткий катехизис», который в Петербурге был издан отдельной книгой (1800 г.). Е. Рожанский является автором очерка «О чувашах, живущих в Нижегородской епархии» (1785 г.). Никита Пичуринский сочинил в 1795 г. три стихотворения (на чувашском, русском и древнегреческом языках). Переводами с русского на чувашский язык занимался и Петр Талиев (он перевел полный катехизис Московского митрополита Платона и издал его в Москве (1803 г.) вместе с первым чувашским букварем. П. Талиев является автором оды на чувашском языке, посвященной Александру I. См.: *Родионов В.Г.* Чăваш литератури. XVIII – XIX ёмёрсем. / В.Г. Родионов. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 2006. 83-119, 420-423 с.

²³ В 1832 г. В. Вишневский издал книгу под названием «Начатки христианского учения» (Казань, Типогр. Казан. ун-та), куда вошли букварь, краткая священная история и сокращенный катехизис на чувашском языке. В том же году профессор философии Казанской духовной семинарии опубликовал статью «О чувашском языке» (Заволжский муравей. – Казань. – 1832. - №20. – С. 1155-1157). Свою книгу под названием «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской губернии» В. Вишневский издал в 1836 г. (Казань, Типограф. Казан. ун-та).

²⁴ *Бреева Т.Н., Хабибуллина Л.Ф.* Национальный миф в русской и английской литературе. Казань, 2009. С. 55-56; *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 36.

²⁵ *Спасский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара, 1900. С. 127.

²⁶ *Яковлев И. Я.* Моя жизнь. М., 1997. С. 221, 223, 231 и др.

²⁷ *Спасский Н.А.* Указ. раб. С. 194 – 199.

---

²⁸ *Шестаков П.* Св. Стефан, просветитель Пермский. Казань, 1868; *он же.* Просветители лопарей архимандрит Феодорит и св. Трифон Печерский. СПб., 1868; *он же.* Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа. Казань, 1870; *Он же.* Чтение древнейшей зырянской надписи, единственного сохранившегося до сего времени св. Стефана Великопермского. СПб., 1871.

²⁹ Например, в своем докладе о ревизии Казанского учебного округа в 1866 г. министр Д. Толстой особо выделял следующую мысль: «Просвещать инородцев, сближать их с русским духом и Россией составляет, по моему мнению, задачу величайшей политической важности в будущем». См.: *Спасский Н.А.* Указ. раб. С. 77.

³⁰ «Когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык, – рассуждал просветитель о методах обучения народа. – Нам нет дела о будущей участи этого языка, мы должны им пользоваться теперь, потому что он теперь-то есть единственный орган распространения знания между зырянами» (*Куратов И.А.* Художественной произведения. Сыктывкар, 1939. С. 220.). В свои книги для чтения коми просветитель непременно включил бы переводы из европейской поэзии, ибо он возвышал лишь светское просвещение, как единственное средство обретения знания. Куратов был убежден, как точно заметил А.Е. Ванеев, что «единственным органом распространения знаний» среди детей народов является их родной язык (*Ванеев А.Е.* Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие. Сыктывкар, 2001. С. 114.).

³¹ Критикующие миссионерскую направленность деятельности И.Я. Яковлева забывают, что в те 60-70-е гг. XIX в. никто не позволил бы ему открывать хоть одну чисто светскую школу, да еще за счет государства. Прикрываясь миссионерско-политическими лозунгами, чувашский просветитель смог создать мощную сеть чувашского школьного образования, во главе которой стоял он сам – светский патриарх и объединитель народа.

³² Такой тип творчества в школе был выработан в результате коллективных переводов религиозных текстов с русского на чувашский язык. Как известно, И.Я. Яковлев признавал лишь нравственную функцию литературы, искал в ней только полезность для общества и государства. В этом плане функция литературы полностью совпадает с функцией религии. Они обе имели просветительскую направленность.

³³ Становление татарской нации: XVIII – начало XIX вв. [Электронный ресурс]: <http://culture.tatar.ru/tradicii/history.htm/pub/88> (дата обращения 20.08.2010 г.).

³⁴ *Родионов В.Г.* К вопросу о национальном самосознании чувашей в конце XIX – начале XX в. // Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово. Чебоксары, 2006. С. 210-223.

³⁵ *Петров Д.П.* Чувашский народ в борьбе за национальное освобождение. Казань, 1921. С. 23.

³⁶ *Юман М. (Петров Д.П.).* 1905 сул (Чăвашсен хушшинче пулнă ёссене асăнни). Шупашкар, 1925. С. 78-89.

³⁷ *Комиссаров Г.И.* Мои мемуары / Г.И. Комиссаров // Гурий Комиссаров – краевед и просветитель. Уфа, 1999. С. 80-81.

³⁸ *Алиева С.У.* Национальная идея и эстетика социалистического реализма / С.У. Алиева // Нация. Личность. Литература. Вып. 1. М., 1996. С. 79. Некоторые представители

из числа «старших братьев» до настоящего времени пытаются объяснить словосочетание «дружба народов» как понятие интернациональное, а не многонациональное, подразумевающее равные права всех народов единого полиэтнического пространства.

³⁹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), фонд V, ед. хр. 102, инв. № 444.

⁴⁰ Например, через месяц после появления царского манифеста от 17 октября 1905 г. чувашские учителя Ядринского уезда на своем съезде приняли следующую резолюцию: «Школы – без контроля инспекторов, попов и урядников». Один из организаторов данного съезда Г. Комиссаров (Вандер) 11 февраля 1906 г. записал в свой дневник такие строки: «Да, это был такой момент в истории России, какой едва ли повторится. Что значит – видеть вчерашний рабский, отказывавшийся мыслить народ, который вдруг воспрянул и с жадностью начал ловить минуты пришедшей свободы. Истинно – воскресение народа от долгой спячки! Энтузиазм был сильный» (НА ЧГИГН, фонд I, ед. хр. 504. Л. 139).

⁴¹ *Щербаков С.В.* «Аслă Канаш» – альтернативная форма чувашской государственности / С.В. Щербаков // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. С. 112-116.

⁴² *Кирчанов М.В.* Сеспель Мишши: рождение советского дискурса в чувашской литературной традиции / М.В. Кирчанов // Сеспель Мишши: рождение современной чувашской литературы / сост., вступ. статья Кӓрчан Макӓм. – Воронеж, 2007. С. 4-17. Ср.: [Электронный ресурс]: http://ejournals.pp.net.ua/ld/0/47_turk_ii.pdf (дата обращения 1.09.2010 г.).

⁴³ В эпоху тоталитаризма данная литература стала запрещенной или недоступной для чувашского массового читателя. Но ряд поэтов и прозаиков и в годы расцвета «социалистического реализма» не переставали обращаться к истории своих славных предков.

⁴⁴ История Чувашии Новейшего времени. Книга I. 1917-1945. Чебоксары, 2001. С. 35-36.

⁴⁵ Съезд мелких народностей Поволжья. Казань, 1917. С. 14.

⁴⁶ Там же. С. 13.

⁴⁷ Национально-государственное строительство советской России осуществилось, к сожалению, по модели Сталина: вместо двух больших штатов (Татарско-Башкирской республики и «Штатов народов Поволжья»), которые со временем могли бы обрести статус союзных республик СССР, образовались семь автономных субъектов России, которые были искусственным образом разобщены и общались только с Москвой или же через нее.

⁴⁸ На выборах в учредительное Собрание по Казанской губернии чувашские политические силы (Чувашское национальное общество, Чувашский военный комитет и Чувашская организация партии социал-революционеров) объединились и выступили единым списком кандидатов из семи человек. Из них прошли Г.Ф. Алюнов, И.В. Васильев и С.Н. Николаев. Еще два чуваша стали членами Учредительного собрания по Симбирской губернии (Д.П. Петров и Г.Т. Титов). В 1918 г. все пятеро вошли в состав Самарского Комитета членов Учредительного Собрания (они составляли более пяти процентов Комуча), а С.Н.

Николаев стал даже членом Президиума. (см.: *Николаев С.Н.* Возникновение и организация «Комуча» / С.Н. Николаев // Воля России. – Прага. – 1928. – VIII – IX (август - сентябрь). С. 233-245).